

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

О НЕПОНИМАНИИ

В.В. Ильин*, А.В. Тимофеев**

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

В статье раскрываются различные измерения оформления смыслозначений на вербальной и невербальной фазах. Особое внимание уделяется уточнению существа процесса представления мысли в языке общения (стадии порождения и рецепции речи).

Ключевые слова: *понимание, смысл, значение, предметность.*

Непонимание – комплексная реакция, не соответствующая когитальным ожиданиям и влекущая поведенческий, ментальный ступор; реакция, резюмирующая состояние отсутствия умственной ясности во всех регистрах эйдетического представления явлений, каковыми выступают регистры знаковости, смысло-значимости, предметности.

Регистр знаковости. Выготский выявляет ножницы – несовпадение мысленного содержания с речевым выражением: «то, что в мысли содержится симультанно... в речи развертывается сукцессивно» [1, с. 378]. В размышляющем, гносеологически ориентированном языкознании это называют «нулевой степенью письма»: вскрывается тип семиотической асимметрии, – план персонального переживания содержания не корреспондирует плану его речевого выражения.

Внешний наблюдатель способен отмечать коллизии:

– прерыв мысли: мысль не идет в слова, прячется в многоточие, расстраивается в пробелах порядка изложения, – выведенный Успенским казус крестьянина-ходока: «Тут надо бы еще слово... видите, господа, как надо-то... Ничего не сделаешь. Все не туды... Да тут, я тебе скажу, нешто столько. Тут надо говорить вона откуда» [8, с. 251–261]. Нет никакой возможности выразить мысль человеком-посланцем схода – лицом, несомненно знающим существо дела. Нет возможности вследствие затмения интеллекта мутным потоком идейных сопутствований, побочных коннотаций: «Языка-то нету у нашего брата»;

– предощутительное вербально невыразимое: И. Стравинский: «...предвкушение творческого акта сопровождается предчувствием неизвестного, уже захватывающего нас, но еще непонятного». Есть механизмы кон-

струирования мысли; есть механизмы облачения мысли в слово – они не только не самоподстраиваемы, но и самонесопадаемы;

– неадекватность речевого самовыражения: некорреспондируемость эссенциального (содержание означаемого) и феноменального (содержание означающего) полей – Шекспир (23 сонет):

Как роль свою, робея, забывает
Актер, на сцену первый раз вступив,
Как в гневе нас невольно сил лишает
Чрезмерно сильный ярости
прилив, –
Так я, из страха, что не дашь ты веры
Словам любви, сам забываю их,
И речь моя слабеет, хоть без меры
Сильна любовь: превыше сил моих!
Дозволь мне книг моих цветистой
речи
Быть толмачем немой любви моей:
Она достойна, верно, лучшей
встречи,
Чем речь из уст, столь бледная пред
ней!
Пойми, что в книге страсть
безмолвно пишет:
Разумная любовь очами слышит!;

– апопсиопеза: несоответствие объема выражаемой мысли характеру, способу ее выражения, востребующее содержательного заполнения смысловых лакун додумыванием, – Гоголь: «Да как вы смеете? Да вот я... служу в Петербурге. Я, я, я...»;

– амфиболия: содержательная, идейная двусмысленность – Пушкин:

Брега Арагви и Куры
Узрели русские шатры;

– амфигурия: нарочитая смысловая околесица, идейная бессвязица, пусто-порожняя болтовня – Чехов («Письмо к ученому соседу»): «Скажу без хвастовства, что я не из последних касательно образованности, добытой мозолями, а не богатством родителей, т.е. отца и матери или опекунов, которые часто губят детей своих посредством богатства, роскоши и шестиэтажных жилищ с невольниками и электрическими позвонками. Вот что мой грошовый ум открыл. Я открыл, что наша великая огненная лучистая хламида солнце раз в год рано утром занимательно и живописно играет разноцветными цветами и производит своим чудным мерцанием игривое впечатление. Другое открытие. Отчего зимою день короткий, а ночь длинная, а летом наоборот? День зимою оттого короткий, что подобно всем прочим предметам видимым и невидимым от холода сжимается и оттого, что солнце рано заходит, а ночь от возжжения светильников и фонарей расширяется, ибо согревается. Потом я открыл еще, что собаки весной травку кушают подобно овцам и что кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее. Много я сделал открытий и кроме этого хотя и не имею аттестатов и свидетельств»;

– нонсенс: примыкающая к амфигурии бессмыслица, нелепица, этимологически намекающая на отсутствие изящества, красоты (слав. «лепо» – «не лепо»: красивый – некрасивый, нравящийся – не нравящийся; в умственном отношении приглядный – неприглядный). Установление смысла крепится на отнесении к базовой метафоре (стереотипу) – «осмысленность»: «я понять тебя хочу, – смысла я в тебе ищу»; лишь усмотрение смысла: о-смысление делает явление понятным; иначе – смысло-значимый катастрофизм, переводящий естественные отношения в неестественный сюр, абсурд;

– абсурд: реальность за гранью понимания, осмысления; капсулизованный, перевернутый, непроницаемый, не имеющий «окон» мир с непостижимыми законами, установками, правилами, пребывающий в состоянии полного разлада (дискордантность, диссонанс) с порядками наличного мира. В варианте абсурда правильно комбинировать лексемой не «реальность», а «нереальность», – разумея всеохватную противоположность и противопоставленность комплексов стандартных *Sinnwelt*, *Lebenswelt*, *Wertswelt* комплексам мира смыслового, жизненного, ценностного сюр. Этимологически *absurdus* несет идею умственной глухоты (*surdus* – глухой), некоммуницируемости, не имеющей шансов на самораскрытие и взаимопонимание. Онтологически абсурд – монадная, отъединенная структура – не вступающая во взаимодействие «черная дыра». Поведенчески абсурд как перевертыш обыденно-привычного несет намек, рассчитанный на догадку. Таковы театрализирующие, карнавализирующие жизнь сценические модусы игры, юмора. Если они критико-аналитически просчитываются, вычисляются, понятийно разоблачаются, абсурд преобразуется в маскарадную условность, если нет, – жизнь деформируется, трансформируется в серию катастроф – средоточие вымышленного ирреалиса – «Замок» Кафки; средоточие невымышленного ирреалиса – совокупная «совдепия». Способ органичной разрядки от сюрреалистичного интеллектуального шока – в первом случае – смех; во втором случае (где, точно, не до смеха) – гражданское прозрение, взыскующее социального переустройства;

– алогизм: оттеняющий выход за границы логизма в контуре «нонсенс – абсурд» подрыв легализованных регуляризованным существованием естественных правил общения, восприятия, канализации явлений, отмена всех и всяких принципов табуирования (чувств, мыслей поведения). В качестве солидарного примера присутствия трех (нонсенс – абсурд – алогизм) в одном приведем строки лишь первой части есенинских «Кобыльих кораблей»:

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля–смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук

Вы гребете в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Пейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

Типичные виды выражения «нулевой степени письма»:

– не получающая объективации внутренняя речь: Чехов «О любви»: «Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим. Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас не хватит сил бороться с нею; мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне так верили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог увести ее?» – сопровождаемая безотрадным саморазъедающим, не дающим практического выхода самокопанием;

– глоссолалия: Чехов («Попрыгунья»): приурочивающееся к неловкости момента (экзистенциальная ситуация «Рябовский – Ольга Ивановна») словоизвержение «Nature morte... первый сорт, – бормотал он, подбирая рифму, – курорт... черт... порт...»; приурочивающееся к драматичности момента (экзистенциальная ситуация «Ольга Ивановна – кончающийся Дымов») столь же бессмысленное словоизвержение: «Nature morte... порт, – думала она, опять впадая в забытье, – спорт... курорт. А как Шрек? Шрек, грек, врек... крек. А где-то теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси... избави! Шрек, грек»;

– превосмогающее неловкость ситуации отстраненное речепроизводство: Чехов «Дядя Ваня»: Астров разряжает напряжение в треугольнике «он – Войницкий – Елена Андреевна» пустопорожней болтовней о погоде: «Сегодня, многоуважаемый Иван Петрович, погода недурна. Утром было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совести, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себе. Вот только что: дни коротки стали...» Он же от экзистенциальной безысходности впадает в суесловие: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарыща – страшное дело!» (ср.: готовность каждого по-своему несчастных советских людей осчастливливать мир в целом);

– неадекватное самовыражение (ввиду обреченности, безнадежности, непоправимости собственного существования): Чехов: («Три сестры»): безучастная к происходящему Маша в состоянии невеселой «мерлехлюндии» практикует пустословие – ни к месту, ни к времени; ни к селу, ни к городу; ни с того, ни с сего декламирует Пушкина: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Золотая цепь на дубе том» (1 акт). То же – по прощанию с Вершининым от горечи расставания – сдерживая рыдания: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... золотая цепь на дубе том... Я с ума схожу.. У лукоморья... дуб зеленый...» И далее: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый...» (почти бредни) – «Я путаю... Неудачная жизнь... Ничего мне теперь не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно... Что значит у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли» (4 акт).

В регистре «знаковость» разбаланс понимания проистекает от дефектов означающего вследствие несовершенства сигнификативного облачения мысли, к чему позволительно отнести нарушение объема значения, неразличение прямого-переносного значения, связанного фразеологического, идиоматического значения, опосредованного грамматического значения, сбои пресуппозитивной семантики (неспособность извлекать коннотированную информацию, прямо не заявляемую высказыванием), паушально создающим сложности развертывания контекстной семантики.

Регистр смысло–значимости. Утрата глубинных, опорных смысло–значений в отсутствии указаний минимума идейного расширения, нейтрализация фонового знания, активирующего отрезвляющее отнесение к реалиям. Пастернак ассоциативно определял поэзию по принципу сходства (синекдоха) и смежности (метонимия), осуществлял окказиональную условную предикацию: поэзия вообще – целое – есть сопологаемая с ним, уподобляемая ему часть. Нечто глубоко родственное продельвает Ахматова. Если бы не аншлаг «Про стихи», пробиться к выражаемому метафоризацией содержанию было бы невозможно. В самом деле: стихи

Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это – теплый подоконник
Под черниговской луной
Это пчелы, это – донник,
Это – пыль, и мрак, и зной.

В исчерпывающем плане понимание в регистре «смысло–значимость» разлаживается в результате

- плохого владения языком (нераспознавание значений слов, идиом, фразеологизмов, грамматических форм и т. п.);
- отсутствия интенции на доверительность общения;
- неучета определенности ситуации (камерность, комедийность, трагедийность, трагикомичность момента);
- дифференцированности культурных аксиом поведения (несовпадение ценностных установок общения) [7].

Словом, обоснованно говорить о разбалансе основ личностного самостроения (formation) и встраивания (in-formation) в смысловые, жизненные и ценностные устои, агрегируемые (а) тремя видами конституирующих человеческие группировки миров, – триада Sinnwelt–Lebenswelt–Wertswelt; и объективирующей ценности лингвокультур (в) языковой картины мира (ЯКМ).

(а) Триада Sinnwelt–Lebenswelt–Wertswelt передает типизируемые фрагменты человеческого опыта, с одной стороны, консолидирующие, а с другой, диспергирующие человечество. Момент консолидируемости, не растекаясь мыслью по древу, – момент структурной сопряженности родового опыта по всечеловеческой реализации собственного назначения, призвания, раскрываемого антроподицей (см. подр.: [3]). Момент диспергируемости – момент структурной разобщенности носителей человечности по лингвокультурной принадлежности.

В разных отсеках человечности – разные коммуникативные стереотипы, производящие разные прецедентные тексты. Скажем: англичане почитают «приватность»; немцы – «пунктуальность»; французы – умение жить «*savoir vivre*» (см. подр.: [7]). Русские... почитают свои святыни (см.: [4]), составляющие архетипический код их автономной национальной культуры: так же – остальные, руководствующиеся имплицитно–ассоциативными значимостями, радикализирующими *et fumus partiae dulcis*.

Внутреннее напряжение в диаде консолидированность – диспергированность (солидарность – партикулярность), склоняющее к потенции некой тенденциозности, духовной предвзятости, обрекает на недостижение полноты понимания в границах только разума. Вопрос превалирования общего через особенное или особенного через общее (родовые универсалии – лингвокультурные уникалии) а priori не имеет доктринального решения.

В дело в итоге вмешиваются головоломно затрудняющие рефлекссию вбросы коллективного (архетипического) бессознательного, врывающегося в дискурс под фирмой господствующего над всем осадка «сложившегося за бесчисленные миллионы (?! – авт.) лет опыта предков», эха «доисторических явлений мира», которому каждое столетие добавляет некоторую сумму вариаций и дифференциаций.

Как убеждение о наличии сознания формируется практически, так и уверенность о наличии понимания устанавливается в кильватере поведенческого взаимодействия. Остается осторожно уповать на действенность актантных и залоговых модификаций, налаживающих соучастие и сотрудничество коммуникантов в обретении взаимосогласия (оправданное допущение справедливости, исходящего от другого), а значит, и понимания.

Хотя и здесь находится простор проступанию своих рифов: выявляется некоторый «некоммуницируемый» излишек, остающийся «драматически неустранимым» [5, с. 167]. В последнем, впрочем, – своя прелесть: устранение неясного закрепляет трюизмы, «погрязание» в которых истончает почву эвристического подхода – плодотворного раздвигания горизонтов понятого с целью углубления понимания.

(в) ЯКМ. На переднем крае высокой теории, как во всяком поисковом деле, – отсутствие ясности в трактовке существа предмета, выражающееся конкуренцией противоположных стратегий. Одни (Бастиан, Ратцель) настаивают на гомологии духовного склада причастных сапиентной организации; другие (Савиньи, Пухта) – на ее отсутствии вследствие специфических моментов национального духа.

В пользу первой работает платформа стандартной сенсомоторной и операциональной генеалогии интеллекта (Пиаже); в пользу второй – подчеркивающая связь языка народа с его мировосприятием (Гумбольдт) платформа лингвокультуры. Не входя в водоворот риторических мыслей, проводя линию «снятия» уникального универсальным, рассмотрим следующее.

Оформление мысли нельзя считать исключительно вербальным процессом. С одной стороны, имеется искушение проводить некий лингвистический редукционизм, в духе картезианства обосновывая его наличием нейронных аналогов значений (идея биохимической природы энграмм, наделяемых не только ментальной функцией), что позволило бы снять массу недопониманий – осветить ту же проблему хранения в памяти единиц языка в отсутствие

устройства «памяти слов»; но это, с другой стороны, вступило бы в конфликт с экспериментально обоснованным представлением структурного несоответствия кодовых систем мышления и внешней речи (Мак–Коллох, Жинкин, А.А. Леонтьев), что в свою очередь подобный редукционизм отменяет (ср.: интригующие идеи НЛП – техники психокоррекции через «прямое»– минуя речь – «подключения» мысли к опыту предков).

Остается признать и принять: сам по себе мыслительный процесс не вербален, но субстанциально зависим от последующего процесса представления мысли в языке общения – порождения и рецепции речи. В предельном отношении объективация языком мышления инспирирует развертывание концептосферы – объемной мыслительной тематизации реальности через призму отобразительно-выразительного потенциала языка. Ввиду многофакторности, полифундаментальности явления, не могущего быть охваченным ёмким единым взором, остановимся лишь на принципиальных сторонах детерминации мышления языком.

(1) Недостаточно изученный протоуровень: техника образования протопонятий из обобщения образов; наложение второй сигнальной системы на более раннюю первую сигнальную систему (сигнализацию высших животных и сигнализацию человека разделяет hiatus, методологически (регулятивы конкретности, естественности, историчности рассмотрения) долженствующий преодолеваться проведением эволюционизма).

Как подчеркивает Г.В. Колшанский, «абстрагирующий характер языка потребовал совершенно новой структуры, но он не устранил тех примитивных биологических форм общения, которые были свойственны предкам» [6, с. 78]. В данном контексте в качестве «переходных» форм уместно указывать на ту же эхололию, ономатопею, невербальные контактоустановления, жестовость (наглядность) и далее – фонацию (имитационность), междометные звуки–жесты, экспрессии (с приспособлением вокализма к развивающейся системе фонем) и т. п.

(2) Недостаточно изученный уровень превербитума: оформление смысла на невербальной фазе.

(3) Уровень вербитума – текстооформление смысло-значимостей:

а) текст в коммуникации (микродиахрония),

в) текст в выражении (фоносемантика),

с) текст в отображении (референциальная семантика),

д) текст в представлении (денотативная семантика),

е) текст в голограмме (микросинхрония),

ф) текст в лексике (лексическая семантика),

г) микротекст (модальность заслоняет референциальность – семантика модальности).

(4) Уровень поствербитума – текстовосприятие; подлежащий истолкованию полноценный знаковый продукт – текст, в контексте и подтексте.

Согласно произведенным уточнениям активная роль ЯКМ проявляется на уровнях (3) и (4). Начиная с техники фонации – среднего речевого темпа для ситуации конкретного коммуникативного типа у разных этноязыковых сообществ и кончая техникой интерпретации через задействование гипонимов, гиперонимов, использование капитального семиологического свойства знаков дифференцировать и генерализировать содержание, «каждый полнозначимый

словесный знак, – подчеркивает Уфимцева, – (имена нарицательные), подобно атому, несет двойной заряд: положительный (отождествляющий, общий) и отрицательный (дифференцирующий, различающий); он «может быть одновременно отождествлен с другими знаками и быть от них непременно в чем-то отличным, подчиняясь логике родо-видовых отношений» [9, с. 58]. (Откуда вытекает потенциальная способность знака быть и омонимом, и синонимом, что потенциально актуализирует процедуру онтологической идентификации знака на базе смысло-значения).

В регистре «смысло-значимость» пробивается тенденция эксплицировать понимание в терминах то построения: Спинозовское «понять предмет – значит, построить его»; то понятийного оформления: Гегелевское «понять предмет – значит, выразить его в понятиях». И та, и другая версии навлекают огонь критики: создатель может не понимать перспективной реализации им созданного; понятийное оформление часто деформирует предметную сущность – тот же человек «не может быть понятием» (Бахтин).

Если держаться фарватера рациональности, наиболее мягкая формула понимания, по-видимому, передается модусом «языковая фиксация», являющимся низшим порогом дискурсивной репрезентации.

Но и тут, как во всяком глубоком деле, следует брать в расчет нюансы – нюансы экзистенциального и интимного состава понимания. Дух обнаруживает с удивлением: говорить, чтобы тебя поняли, означает «наградить»; говорить, чтобы тебя не поняли, означает «спасать» (мысль Квиллара). И, конечно: когда тебя понимают, это – счастье; когда тебя понимают до конца, это – несчастье (мысль Малкина). Между счастьем и несчастьем в причащении к пониманию выбирает каждый, наполняемый пониманием того, что «жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни» (Блок). В части и понимания, и непонимания.

Регистр «предметность». Многозначность, полицентричность отношения «предметность» обуславливается непостоянством референтного отношения символических структур к онтологическим. Категории «абстрактность» и «вещественность» опосредствуются разными типами сцепления идейных конструкций с субстанциальными значимостями. По ситуации руководствуются разнонаправленными принципами спряжения одного с другим, утрируя то причинно-следственные, то целевые, то ценностные, то генетические, то функциональные, то... связи. В любом случае понимание (в идеале) формируется как способность отдавать отчет о содержательно оправданном (фактическое основание), формально удостоверенном (логическое основание) способе интеллектуального обозрения положения дел за счет более или менее точной фиксации смыслов и фундируемых ими значений.

Как высказывалось ранее, понимание осложняется (регистры «знаковость», «смысло-значимость») затруднением распознавать и исключать тропы (рече-мыслительные условности, небуквальности, фигуральности), сопологающие естественно не связанные референтные группы. В регистре «предметность» понимание нарушается затруднением вписывать исследуемые отношения в признаковую диаду «сходство – различие» и, как следствие, проводить тематизацию природы вещей вписанием их в эксплицирующую диаду «генерализация – спецификация» с последующими рефлексивными манипуляциями – идентификацией, классификацией, интерпретацией.

Отсутствие понимания – непонимание – возникает как резюмирующий эффект невозможности пропускать происходящее через оппозицию «определенность–неопределенность» и вырабатывать явную модальность по соответствию с видоразличением: допустимо – недопустимо; несомненно – сомнительно; справедливо – несправедливо; правдиво – лживо; бесспорно – спорно и т. п. Регулярные принципы атрибутивной ассоциации в таком разе разваливаются; предпосылочные механизмы духовного убеждения расстраиваются; не складываются перспективный план, панорама, какое-то не вызывающее выражения видение.

Провалы, разломы понимающего процесса в регистре «предметность» детерминируются

– неустановлением целевых рам явлений (поступков): мольеровская Селимена повествует о виконте, переставшем нравиться ей после того, как она выдела его в течение трех четвертей часа плюющим в колодез, дабы получать круги на воде. Этически плевать в колодез и неприлично и недостойно! Физически... Что в отсутствии подручных средств делать человеку, изучающему колебательные явления (интерференция, когерентность) в водной среде?!;

– предвзятость фации, искажающей объективность онтологических связей: «опровержение» открытия Галилеем спутников Юпитера апелляцией к нумерологии Ф. Сиззи: в голове 7 отверстий, на неделе 7 дней, в небесах 7 планет. Dixi;

– неопределенностью стратегических, целе–ценностных оснований деятельности: характерны в данном отношении всякого рода препятствующие единению вер «искания», о которых знаток вопроса А.С. Пругавин высказывал: «В вечных поисках за “правой верой”, за духовной, умственной пищей народная мысль мечется из стороны в сторону, нередко впадая из одной крайности в другую...»;

– невозможностью изоморфного представления структур одних систем через структуры других систем в математизации. Например: дифференциальные уравнения плохо описывают возникновение фракталов. Дело здесь скорее всего не в технических трудностях переноса типа подобия в формальных преобразованиях, т. е. нахождении каких-то формальных возможностей, новых математических схем, а в затруднениях уяснения содержания, смысла математизируемых зависимостей (так же см.: [2, с. 267]);

– отсутствием эссенциальных рамок ассимиляции опытной феноменологии: интеллектуальной поверхностностью неукротимый факт – при заморозке воды возникают разные типы структурных конфигураций жидкости вследствие проигрывания благозвучной или неблагозвучной музыки; природа реагирует на мелодику (гармонию) реакцией полиморфизма, но как – пока (?) неизвестно;

– наличием укорененных традиционных стереотипов, не критических штампов: просвещенческая деструктивная иллюзия примата принципа равенства над принципом свободы (есть ли гражданская добродетель без террора?); не менее порочное почвенное заблуждение: власть в России не управляет, а правит (царствует) (есть ли организация без репрессии?); откуда – предубедительная дихотомия «широкое–узкое» в антропологии – Паскаль: «наше сердце слишком просторно»; Достоевский: «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»; как быть с подлинно гуманитарной парадигмой в отношении чело-

века, характер бытия которого толкующей в терминах свободного осуществления его актов (см.: [10, с. 160])?;

– неотчетливостью доктринальной схемы концептуализации явлений: учение «новой чувственности» Маркузе. Интенция автора внятна: выразить протест издержкам цивилизации, выставяемой в неприглядном свете «прибавочной репрессивности». Внятность интенции, однако, истончается в разработке, обретающей невнятный контур модели «креативного типа сознания», утверждаемого ненасильственной (!) революционной (?!) борьбой за торжество эстетизма (в противовес сциентизму), за победу духа Орфея и Нарцисса над духом Прометея. Социальный агент «новой» революционной силы – гражданские маргиналы: люмпены, леворадикальные неустойчивые слои, представители ЛГБТ-сообщества, анархисты. С 70-х гг. XX столетия они уступили «революционное» лидерство адептам неоконсерватизма; политическая оппозиция стала системной, интегрировалась в респектабельные институты;

– неотработанностью процедуры актуализации в апелляции к *datis*: олицетворение, антропоморфизация, реификация – приписывание признакам, свойствам и отношениям автономного существования в гипостазе. О сложностях постулирования бытия по принципу свертывания говорилось довольно. Усилим размышления реально / нереальным случаем наделения вещественностью «ничто» в разряде *fiction*. У Шамиссо эксцентрик продает тень (ср.: гоголевская ситуация с носом), притязующую на материализацию собственного интереса. Тень – видимость, но получающая проекцию на действительность купированием прототипа; тень как субстантивированная реалья заслоняет и вытесняет свою анцестральную (телесную) форму. Конечно, экзотичность казуса влечет его канализацию в русло модельно-образных рассматриваний, но обостряет при этом комплекс головоломных, в сущности (пока!?) непроясненных вопросов: как с должным правом осваивать трансцендентное (заопытное, сверхопытное, внеопытное); имеет ли объект некоторые абсолютные характеристики (эссенциализм); каковы критерии индивидуализации; когда вещь совпадает со своей сущностью; что такое сугубо возможное (концепты с нулевым денотатом – круглый квадрат, ведьма, современный король Франции, инерция, российская императрица Евдокия X и т. п.) – невозможное или возможно-невозможное и т. д. ?;

– адресацией к трансцендентным смысло-значимостям использованием чистых иносказаний. В таком ключе выполнены библейские тексты. «...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего незначащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее...» [11] (почему?) или: «когда настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» [12] (когда?) и тексты поэтические:

Жизнь и бессмертие одно –
Будь благодарен высшим силам.
(Пастернак)

Без комментариев.

Или: Будем же страстно играть,
Пусть унесут ее волны.
Вечности вам не понять,
Жизнь, как могила, безмолвна.

(Блок)

Без комментариев.

Или: О, наша жизнь, зачем ты непонятна!..

О, наша жизнь, ты вечно будешь сном...

(Блок)

Без комментариев;

– проявлением регистрируемых, но неконцептуализируемых факторов: «преформичные» неизвестные нам архетипические параметры существования: новорожденные, размещенные в комнатах с репродукторами, имитирующими биение сердца матери, быстрее прибавляют в весе, меньше возбуждаются, нежели младенцы в обычных палатах (предположение: реакция на реставрацию высокоадаптивных, комфортных родовых условий развития);

– неестественными способами ментальной обработки естественного: приемы антропоморфизации, олицетворения, вытравляющие неодушевленное под фирмой одушевленного: метаболизация, образная метаморфизация реальности. Лишь пара строк из той же цветаевской «Поэмы горы»:

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудутся – по слезам его.

Еtc.

Неприятное послевкусие непонимания утрачивается восстановлением понимания в герменевтической процедуре.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. 520 с.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 272 с.
4. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 200 с.
5. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
6. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
7. Карасик В.И. и др. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
8. Успенский Г.И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. 584 с.
9. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Едиториал УРСС, 2004. 206 с.
10. Шелер М. Избранные произведения. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 490 с.

11. I Кор. 1, 27–28.

12. I Кор. 13, 10.

ON MISUNDERSTANDING

V.V. Ilyin*, A.V. Timofeev**

*MGTU named after N.E. Bauman, Moscow

**Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev

The article reveals the manifold dimensions of the design of meaning-values on the verbal and non-verbal phase. Special attention is paid to clarifying the understanding of thought representation in the language of communication (the stage of generation and reception of speech).

Keywords: *understanding, meaning, value, objectivity.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof. of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S.P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru